

Из горестного сердца, онемело,
Когда для сердца пробил смертный час.
Потом дыханье сперлось, взор угас.
От дамы глаз не мог он отвести.
Последний вздох: «Эмилия, прости!» -
И дух, сменив свой дом, помчался к краю,
Где не был я; где этот край – не знаю.
Итак, молчу; ведь я не иерей,
Которому уделы душ ясней.
И не хочу я излагать все мненья
Писавших про загробные селенья.
Арситы нет. Марс, душу упокой!
К Эмилии рассказ вернется мой.
Эмилия вскричала, скорбный глас
Возвысил Паламон. Тезей тотчас
Сестру без чувств унес от тела прочь.
Описывать ли мне, как день и ночь
Она скорбит, встречая плачем зори?
Ведь все супруги предаются горю,
Когда мужья от них уходят вдаль:
Их всех томит великая печаль,
А многие, не выдержавши мук,
Венчают смертью тяжкий свой недуг.
Безмерна скорбь, и слез поток безбрежен
У тех, кто стар, и тех, чей возраст нежен,
В Афинах всюду: все – и стар и млад -
О павшем юном рыцаре скорбят.
Ручаюсь вам, не так был страшен стон,
Когда убитый Гектор был внесен
В троянский град. В Афинах скорбь царит.
Терзанье кос, царапанье ланит.
«Зачем ты умер, – жены голосят, -
Эмилией любим, казной богат!»
Никто не мог унять тоску Тезея,
Опричь отца, маститого Эгея.
Он знал всех дел земных круговорот
И видел их падение и взлет -
Грусть после смеха, после горя смех.
И притчи знал для обстоятельств всех.
Он молвил так: «Из жителей могил
Любой на свете хоть немного жил,
И так же всякий, кто на свет рожден,
В свой срок покинуть мир сей принужден.
Что этот мир, как не долина тьмы,
Где, словно странники, блуждаем мы?
Для отдыха нам смерть дана от бога».
Об этом говорил еще он много, -
Все для того, чтоб вразумить людей,
Заставить их утешиться скорей.
Тезея между тем томит забота,
Где сделать, для воздания почета,
Последнее Арсите торжество,
Согласное со званием его.
И наконец решенье принял он,
Что в месте, где с Арситой Паламон